

LIETUVOS TSR LIAUDIES ŠVIETIMO MINISTERIJA
МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЛИТОВСКОЙ ССР
LIETUVOS TSR AUKŠTŲJŲ MOKYKLŲ MOKSLO DARBAI
НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
ЛИТОВСКОЙ ССР

LITERATŪRA

Eina nuo 1958 metų

ЛИТЕРАТУРА

Издается с 1958 года

31 (2)

RUSŲ LITERATŪRA

LITERATŪROS IR KRITIKOS ISTORIJOS KLAUSIMAI

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И КРИТИКИ

VILNIUS „MOKSLAS“ 1989

Н. С. ЛЕСКОВ И ВИЛЬНЮССКИЕ ЛИТЕРАТОРЫ

П. ЛАВРИНЕЦ

Отправляясь осенью 1862 г. в качестве корреспондента петербургской газеты «Северная пчела» в длительную командировку по Литве и Белоруссии через Львов, Краков и Прагу в Париж, Н. С. Лесков первую остановку сделал в Вильнюсе.

Писатель прибыл в столицу Литвы вечером 7(19) сентября и уехал в ночь на 10(22) сентября, ознакомившись с достопримечательностями города и его окрестностей, с коллекциями Музея древностей и Веркяйского дворца и проведя два дня в доверительном общении с местными литераторами.

Непосредственным результатом поездки явилась серия очерков, печатавшаяся начиная с декабря 1862 г. в «Северной пчеле» под общим заглавием «Из одного дорожного дневника». Только по недоразумению путевые очерки Лескова можно назвать «корреспонденциями», как это иногда делается. В действительности это — образцовое в некоторых отношениях «путешествие» и, если воспользоваться характеристикой такого рода произведений, данной Чернышевским, «соединяя в себе элементы истории, статистики, государственных наук, естествоведения и приближаясь к так называемой легкой литературе своею формою, как рассказ о личных приключениях, чувствах и мыслях отдельного человека», оно «совмещает в самой легкой форме самое богатое и заманчивое содержание»¹. К сожалению, этот «отчасти роман, отчасти сборник анекдотов, отчасти история, отчасти политика, отчасти естествоведение»² ни разу не переиздавался, оставаясь по сей день неизвестным широкому читателю и не привлекая особого внимания специалистов: помимо А. Н. Лескова и Л. П. Гроссмана, использовавших биографический материал очерков в своих книгах о писателе, к «дорожному дневнику» обращались очень и очень немногие³.

Изучение контактов Лескова с вильнюсскими литераторами, анализ их характера позволит не только дать необходимый уже сегодня комментарий к его путевым очеркам, которые, надо

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1948. Т. 4. С. 222.

² Там же.

³ Гапава В. Вінцэс Каратынскі і М. С. Ляскоў // Літаратура і мастацтва. 1970. № 9. С. 4; Сальникова Т. С. Идея братства народов в путевых очерках Н. С. Лескова // Вопросы русской литературы. Львов, 1976. Вып. 1(27). С. 94—102; Клейн Б. В годину смятения // Неман. 1979. № 2. С. 149—159.

полагать, рано или поздно займут подобающее место в действительно полном издании сочинений писателя, но и существенно уточнить представление о настроениях и взглядах Лескова той поры, когда он, уже вполне сложившийся как личность, приобретя известность публициста,— известность после «пожарных» статей скандальной,— делал первые шаги в собственно художественном творчестве.

В Вильнюсе Лесков едва не застал похорон высоко чтимого им Владислава Сырокомли (Людвига Кондратовича), одного из талантливейших и наиболее популярных в России поэтов своего времени. В накаленной обстановке подъема национально-освободительного движения, разразившегося в 1863 г. восстанием в Польше, Литве и Белоруссии, похороны «сельского лирика» 6(18) сентября 1862 г. вылились во внушительную антиправительственную манифестацию и стали крупным событием в общественно-политической жизни края.

В таких обстоятельствах и при своей увлеченности в эти годы польской поэзией⁴ Лесков тесно сходится с ближайшим окружением Кондратовича-Сырокомли — с деятелями Виленской археологической комиссии и сотрудниками выходившей на русском и польском языках «газеты официальной, политической и литературной» «Виленский вестник» (*Kurjeg wileński*). Эта газета, кстати, много лет спустя мельком была упомянута Лесковым в «Мелочах архиерейской жизни»: среди до курьеза разнообразных рукописей, подаренных митрополитом Исидором библиотеке Петербургской духовной академии, названа его собственноручная выписка из «Курьера wileńskiego»⁵.

Что касается находившейся в ведении попечителя Виленского учебного округа археологической комиссии (1855—1865), то деятельность этого единственного в то время научного учреждения в Литве только отчасти отвечала его названию. Среди ее сотрудников были не только археологи и историки, но и медики, юристы, художники, литераторы; действительными членами археологической комиссии значились, например, скульптор Генрих Дмоховский, писатель Ю. И. Крашевский, известный магнат — покровитель литовской словесности И. Огинский, писатель и крупный церковно-общественный деятель епископ Валанчюс. Членом-сотрудником был избран ретавский учитель и agronom Лауринас Ивинский, «даровитый труженик в области

⁴ См. об этом работы Тадеуша Шишко: Szyszko T. Mikołaj Leskow a Mickiewicz // *Studia Polono-Slavica-Orientalia. Acta Litteraria*. T. 2. 1975; Mikołaj Leskow a Syrokomla // *Studia z filologii rosyjskiej i słowiańskiej. Literaturoznanstwo. Warszawa*, 1979; Poezja polska w kręgu Leskowa // *Słavia Orientalis*. 1980. Nr. 3.

⁵ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11-ти томах. М., 1956—1958. Т. 6. С. 537. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием в квадратных скобках тома и страницы.

естественных наук и издатель Жмудского календаря»⁶, т. е. первых литовских календарей, рассчитанных прежде всего на крестьян, в которых, помимо разнообразных сведений и практических советов, печатались образцы народной поэзии, произведения Д. Пошки, А. Страздаса, А. Баранаускаса. Активное участие в работе археологической комиссии со дня ее основания принимал Кондратович, вклад которого в исследования истории, культуры, быта и языка народов Литвы и Белоруссии⁷ не был должным образом оценен до самого недавнего времени.

Археологическая комиссия располагала едва ли не собственным издательством в виде типографии Киркора; при ней был создан Музей древностей, название которого опять-таки обманчиво, поскольку этот первый публичный музей в Литве включал в себя, например, обширное собрание картин, эстампов и скульптур, орнитологический кабинет, минералогическую и конхиологическую коллекции. Библиотека комиссии, приближавшаяся к двадцати тысячам томов, должна была стать публичной, однако ее открытие затягивалось из-за напряженной политической ситуации в крае.

По замыслу организаторов и руководителей археологической комиссии, она должна была со временем стать таким научно-просветительским учреждением, которое могло бы в какой-то степени заменить закрытый после восстания 1831 г. университет.

Важно иметь в виду и то, что, несмотря на некоторое смягчение режима в первые годы царствования Александра II, научно-просветительская работа, в особенности занятия историей, этнографией, фольклористикой, оставалась в числе тех немногих легальных форм общественной деятельности, в которых могли быть реализованы демократические и патриотические устремления местной либерально настроенной и демократической интеллигенции. Вместе с тем сама по себе охрана памятников прошлого и национальных культурных ценностей была важным элементом сопротивления национальному гнету, составной частью движения национального возрождения.

Итак, вечер 8(20) сентября 1862 г. Лесков провел в обществе ведущих сотрудников газеты «Кигјег wileński» у ее редактора, одного из наиболее активных членов археологической комиссии, хранителя музея и составителя его каталога Киркора в разговорах «о положении издателей, о литературном труде»⁸.

⁶ Так он охарактеризован в одном из протоколов заседаний археологической комиссии, хранящихся в Отделе рукописей Научной библиотеки ВГУ (ф. 13—234).

⁷ Об этой стороне деятельности поэта см.: Цвирка К. А. Слова пра Сыракомлю. Быт і культура беларусаў у творчасці «вясковага лірніка», Мінск, 1975.

⁸ Из одного дорожного дневника // Северная пчела. 1862. № 335. 11 декабря (далее цитируется без ссылки).

На следующий день он наносит визиты своим новым знакомым и по приглашению инициатора создания археологической комиссии и ее председателя, известного своими раскопками в Литве и Белоруссии и работами о них археолога графа Евстахия Тышкевича (1814—1873), посещает Музей древностей. С музеем, основу которого составили коллекции самого Тышкевича, связан единственный след пребывания Лескова в Вильнюсе, который удалось обнаружить на страницах «*Kurjera wileńskiego*»: в постоянной рубрике «*Przegląd miejscowości*» к сообщению об очередном заседании археологической комиссии 11 октября приложен оглашенный на нем список новых поступлений, где среди почти трех десятков имен фигурирует «*Leskow Mikołaj srebrny żeton*»⁹. По всей вероятности, это был один из нескольких в нумизматической коллекции музея памятных серебряных жетонов, выпускавшихся по случаю заключения мирных договоров, коронационных торжеств и похорон российских монархов¹⁰.

Прощальный ужин с местными литераторами проходит в бене «о литературных направлениях вообще и о их значении в данные моменты». О чем шла речь, становится ясно из последующего рассуждения Лескова, сравнивающего расколотую на партии «нетерпеливцев», как он называет революционных демократов, и «постепеновцев», к которым он причислял себя, русскую печать с польской периодикой, единой «в связи с известными обстоятельствами, сосредоточивающими все помыслы страны на немногих, точно определенных вопросах».

Если строить предположения, с кем из вильнюсских литераторов, помимо названных в «дорожном дневнике», встречался Лесков, то остановиться следует на тех, кто играл заметную роль в киркоровской газете и археологической комиссии и обратил на себя внимание в связи со смертью Сырокомли. В частности, Лесков выражал озабоченность участью «сирот певца скорби и любви, нуждающихся в воспитании, на которое нет средств у их матери», и он должен был заинтересоваться теми, кто встал во главе комитета опеки над семейством Сырокомли (А. Оскерко, Я. Гейштор, Е. Тышкевич, Г. Дмоховский, М. Малиновский, А. Г. Киркор, К. Пашковский, М. Крупович, Т. Снарский и др.).

Таким образом, Лесков мог свести в эти дни знакомство с товарищем Киркора еще по Виленскому дворянскому институту, членом редакции «*Kurjera wileńskiego*» и сотрудником археологической комиссии адвокатом Казимиром Пашковским; с сотрудником археологической комиссии Томашем Снарским,

⁹ *Kurjeter wileński*. 1862. Nr. 81, 16 października. S. 651.

¹⁰ См. составленный Ф. Добрянским «Каталог предметов Музея древностей, состоящего при Виленской публичной библиотеке» (1879), существенно дополненный, особенно в разделе нумизматики, во втором издании (1885).

который заведовал в газете экономическим разделом и от имени редакции выступил с прощальной речью над могилой Сырокомли; с учившимся в университетах Москвы, Дерпта и Кёнигсберга Эдуардасом Йокубасом Даукшай, писавшим стихи на польском и литовском языках. Даукша — один из первых переводчиков Мицкевича (фрагменты «Конрада Валленрода»); его прощальная речь от имени литовской молодежи на похоронах Сырокомли произвела большое впечатление и распространялась в списках; за участие в восстании 1863 г. после долгих месяцев тюремного заключения был сослан на каторжные работы в Тобольск¹¹.

Бросив учебу в Варшавской медико-хирургической академии в 1862 г. в Вильнюс вернулся 23-летний Максимилан Каминьский, вошел в состав редакции «*Kūrjera wileńskiego*» и, способный фельетонист, юмористическими очерками нравов быстро выдвинулся в ряды ведущих сотрудников газеты и вел после смерти Сырокомли местное обозрение. Впоследствии, переехав в Варшаву (1866), он работал во многих польских периодических изданиях.

Заметной фигурой был Миколай Малиновский (1799—1865), член общества филаретов в молодости, историк, археограф, издатель документов по истории Литвы и Польши. Утратив зрение, он продолжал плодотворно работать и диктовал передовые статьи и международные обзоры «*Kūrjera wileńskiego*», которые, как с гордостью уверял Киркор, перепечатывала и лондонская «Таймс».

С газетой сотрудничал видный общественный деятель помещик Александр Оскерко (1830—1911), почетный член археологической комиссии, член губернского статистического комитета, в работе которого большую роль играл Киркор: став в 1849 г. его действительным членом, Киркор руководил канцелярией комитета и редактировал его ежегодники «Памятная книжка Виленской губернии». В 1863 г. Оскерко вместе с Якубом Гейштором (1827—1897) встал во главе «белого» руководства восстанием в Литве и Белоруссии и был приговорен к 15 годам каторги.

Разумеется, Лесков мог и не знать о конспиративной деятельности своих вильнюсских знакомых. Но позже он все-таки получил о ней некоторое представление из хорошо знакомой ему, судя по очерку «Загадочный человек» (1868), книжке члена виленской особой следственной комиссии по политическим делам Н. В. Гогеля [13, 371]. В ней очерчена деятельность товарищей Иосафата Огрызко по Петербургскому университету Оскерко и Гейштора как «главных литовских коноводов заго-

¹¹ См.: *Lietuvių rašytojai*: A-J. V., 1979. P. 409—411. Уточненная биография, анализ творчества и публикация польских стихов (с переводом на литовский) см. в ст.: *Mikšytė R. Eduardas Daukša ir jo eilėraščiai lempų kalba // Literatūra ir kalba*. T. 18. P. 139—184.

вора»¹², а работа Музея древностей и «Kurjera wileńskiego» представлена как его составная часть, делается попытка бросить тень на Киркора, встречавшегося в Вильнюсе с Огрызко во время его командировок (в 1862 г. Огрызко по меньшей мере дважды побывал в Вильнюсе и установил связь с «гражданской организацией» Гейштора и Оскерко)¹³. Надо заметить, что в ноябре 1861 г. Огрызко был избран действительным членом археологической комиссии как издатель законодательных актов «Volumina legitim» (СПб., 1859—1860); кроме того, Виленская археологическая комиссия поддерживала связи с Левелем, само имя которого оставалось под запретом, и с Виктором Калиновским, старшим братом известного революционера, «красного» вождя восстания в Литве и Белоруссии. Свою должность в Императорской публичной библиотеке В. Калиновский использовал и для того, чтобы снабжать нелегальной литературой участников петербургских революционных кружков, и для того, чтобы по поручению археологической комиссии переписывать хранящиеся в библиотеке рукописи, касающиеся истории Литвы.

Можно допустить личное знакомство Лескова с поэтом и переводчиком Одынцем. Антоний Эдвард Одынец (1804—1885), член общества филаретов в молодости, редактировал «Kurjeg wileński» в 1840—1859 гг. и сотрудничал с газетой при Киркоре, был членом-сотрудником археологической комиссии. Русской публике его имя как поэта и друга Мицкевича было хорошо известно; встречавшийся в свое время с такими европейскими знаменитостями, как В. Гюго и А. де Виньи, И. В. Гёте и Л. Тик, А. В. Шлегель и А. Мандзони, он должен был вызвать законный интерес у корреспондента «Северной пчелы». И Лесков действительно упомянул его, но характер этого упоминания не позволяет с уверенностью говорить о личной встрече. Заметив, что здешние литераторы знают Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Гоголя, Шевченко, Герцена, Кохановскую и Чернышевского, а о Тургеневе, Белинском, Некрасове, Островском, Марко Вовчке он от них не слышал, Лесков все же упрекнул соотечественников: «У них каждый что-нибудь да знает о русской литературе, а у нас едва десятый знает два стиха из Мицкевича, да слыхал о существовании Корженевского, Крашевского, Одынца или Сырокомли».

Среди тех, с кем, судя по произведению «Из одного дорожного дневника», познакомился Лесков в Вильнюсе — Мауриций Крупович (1823—1891), историк, архивист, издатель архивных материалов и документов. Получив образование в Дерптском университете (1842—1846), Крупович с 1852 г. жил в Виль-

¹² Гогель Н. В. Иосафат Огрызко и петербургский революционный рижонд в деле последнего мятежа. Вильна, 1867 (Лесков говорит именно об этой «полнейшей редакции»). С. 49.

¹³ Там же. С. 25—26, 46, 93, 100.

нююсе, был бессменным ученым секретарем археологической комиссии со дня основания до ее ликвидации, в 1860—1863 гг. активно работал в газете «*Kurjeg wileński*». К восстанию 1863 г. Крупович если и был причастным, то самым косвенным образом; уволенный из Центрального виленского архива (1865), был вынужден переехать в Варшаву.

В числе «несомненных друзей» «бедной семьи Сырокомли» Лесков наряду с Тышкевичем, Киркором, Круповичем и Коротынским называет Бондзкевича. Антоний Бондзкевич (1831?—1893), педагог и историк литературы, преподавал в гимназии польскую словесность (1857—1864). С середины 50-х гг. Бондзкевич близко знал Сырокомлю и Киркора, именно к нему обращался Крашевский за сведениями о последних днях жизни поэта для готовившейся им биографии Сырокомли¹⁴.

Однако его упоминание Лесковым вызывает некоторое недоумение. Бондзкевич не был особенно заметной фигурой в культурной и общественной жизни Вильнюса. Кроме того, хотя в начале работы издательской фирмы Киркора (1859) Бондзкевич вместе с М. Малиновским, М. Круповичем, К. Пашковским, сотрудничавшим с археологической комиссией ученым-медиком А. Ф. Адамовичем и другими входил в состав особого издательского комитета, который рекомендовал книги к печати и устанавливал на них цены¹⁵, он был в холодных отношениях с Киркором, Пашковским и всем кругом «*Kurjera wileńskiego*». Он не сотрудничал с киркоровской газетой и, более того, polemizировал с ней в корреспонденциях для варшавской «*Gazety codziennej*». Не был включен Бондзкевич и в состав комитета опеки над семьей Сырокомли.

Возможно, впрочем, что в скорбные дни прощания с поэтом личные трения несколько сгладились. С другой стороны, Лесков мог знать его еще по Киеву (1849—1857), где Бондзкевич с 1849 г. изучал медицину, перейдя затем на филологическое отделение университета. По крайней мере у них должны были быть общие знакомые: живя у дяди С. П. Алферьева, профессора кафедры частной терапии (с 1847 г.) Киевского университета, Лесков особенно тесно общался со студентами-медиками и, по его словам, «встречался почти со всеми молодыми профессорами тогдашнего университетского кружка» [11, 24].

Общение Лескова с киевскими студентами-медиками, среди которых было немало поляков, отразилось, в частности, в диалоге доктора Розанова, во многом alter ego писателя, и генерала Стрепетова в романе «Некуда» (1864): «[Стрепетов:] Здешнего университета? — [Розанов:] Нет, я был в киевском

¹⁴ K i r k o g S. Przeszłość umiera dwa razy: Powieść prawdziwa. Kraków, 1978. S. 68.

¹⁵ S t o l z m a n M. Wydawnictwo drukarni obywatelskiej w Wilnie (1859—1867) // Roczniki biblioteczne. R. 17. Z. 1—2. 1973. S. 113—114.

университете.— [Стрепетов:] Значит, пан муви по-польску: бардзо добжэ» [2, 393].

Помимо профессоров-словесников, в числе вероятных общих знакомых Лескова и Бондзкевича следует назвать в первую очередь профессора физиологической анатомии и микрографии А. П. Вальтера и профессора кафедры анатомии (1841—1853) Н. И. Козлова. О бесплатном приватном (частном) курсе физиологии Вальтера, последователя общественных, педагогических и научных взглядов Н. И. Пирогова Лесков в 1860 г. дважды писал в «Указателе экономическом», в издаваемом Вальтером еженедельнике «Современная медицина» печатались первые по времени статьи Лескова. Козлов, возможно, содействовал первым шагам Лескова на журналистском поприще в Петербурге, где он занимал пост вице-директора медицинского департамента в военном министерстве (1858—1862). Лескова, как говорится в одном из его автобиографических набросков, Козлов и Вальтер «втравили в литераторство» [11, 17].

Русификация, затронувшая не в последнюю очередь учебные заведения Западного края, вынудила Бондзкевича в 1864 г. выехать в Пиотrkув, затем в Варшаву (1867), где он продолжил преподавательскую деятельность и написал ряд историко-литературных работ.

Особо выделяются в путевых очерках Лескова Киркор и Коротыньский.

Винцентий Коротыньский (1831—1891), познакомившись с Кондратовичем в 1851 г., жил в его доме, выполняя обязанности секретаря и став фактически членом семьи. Войдя в поэзию учеником Сырокомли, Коротыньский писал стихи на белорусском и польском языках, вместе с ним работал в редактировавшихся Киркором альманахе «Teka wileńska» (1857—1859) и газете «Kurjeg wileński», в августе 1862 г. был избран членом-сотрудником археологической комиссии; вероятно, он — автор антиправительственного стихотворного воззвания на белорусском языке «Гутарка старога дзеда», широко распространявшегося в списках, в анонимных литографированных и отпечатанных типографским способом брошюрах в разгар манифестационного движения и крестьянских волнений накануне восстания¹⁶.

Проникновенную речь Коротыньского Лесков назвал самой замечательной из всех, сказанных над могилой Сырокомли. Она, немедленно опубликованная киркоровской газетой (№ 70, 7 сентября), была известна читателям «Северной пчелы»: Ю. О. Шрейер включил ее в обширный биографический очерк-некролог Сырокомли (№ 225, 22 сентября).

¹⁶ Тальвирская З. Я. Некоторые вопросы общественного движения в Литве и Белоруссии в конце 50-х—начале 60-х годов и подпольная литература // Революционная Россия и революционная Польша. М., 1967.

Сближение Лескова с его ровесником, воспитанником и другом Сырокомли, впоследствии уважаемым варшавским журналистом, издателем образцового для своего времени 10-томного собрания сочинений Кондратовича-Сырокомли, способствовало то, что часть путешествия, от Пинска до Львова и дальше, пока их пути не разошлись (Лесков направился через Краков в Прагу, Коротыньский — в Варшаву), они проделали совместно.

Завязавшиеся осенью 1862 г. товарищеские отношения Лескова с Коротыньским имели некоторое продолжение. Проникнувшись уважением к своему спутнику как к «человеку весьма благородному, просвещенному и толерантному», год спустя Лесков, печатая в «Библиотеке для чтения» (№ 7 и 8, сентябрь и октябрь) свою первую большую повесть «Житие одной бабы», посыпал ее Коротыньскому.

Из воспоминаний сына поэта Бруно Коротыньского (1873—1948) известно, что о знакомстве Лескова и отца он узнал только после его смерти, обнаружив присланые писателем в знак дружбы журнальные оттиски. На одном большими буквамипольски было написано: «*Czytaj, a nie laj*», на другом — «*Choć laj, a czytaj*»; к сожалению, они погибли в 1944 г.¹⁷

Факт посвящения «Жития одной бабы» Коротыньскому не следует переоценивать, преувеличивая его значение. Как правило, посвящения Лескова не носят такого принципиального характера, как например, тургеневское посвящение памяти Белинского романа «Отцы и дети», а выражают его подчас преходящие личные симпатии, оказываются формой своего рода литераторского этикета (например, посвящение повести «Смех и горе» в отдельном издании П. К. Щебальскому в благодарность за содействие при первой публикации), а иногда и противоцензурной мерой, как это было с посвящением повести «Прекрасная Аза» Я. П. Полонскому, прямо названным в письме В. Г. Черткову (апрель 1888 г.) «гарниром», призванным «маскировать ее дух и направление аксессуарами литературно-полемического свойства» [11, 369]. Естественно, что при переизданиях такие посвящения (С. Е. Кушелеву — «Очарованного странника», М. О. Микешину — «Воительницы», И. Ф. Горбунову — «Жемчужного ожерелья» и т. п.) с одинаковой легкостью появляются и исчезают.

Лесков сознавал реальные масштабы поэтического дарования Коротыньского. Об этом свидетельствует одно из лесковских обозрений, печатавшихся в «Биржевых ведомостях» под заглавием «Русские общественные заметки» (1869), в котором он, ратуя за бережное отношение к литераторам, пренебрежение соотечественниками писателями противопоставляет тому, как «от-

¹⁷ Гапава В. Вінцэс Каратынскі і М. С. Ляскоў // Літаратура і мистецтва. 1970. № 9. С. 4.

менно дорожат своими литературными деятелями» поляки, и добавляет, что «это относится не к одному Мицкевичу, или даже к Красинскому, Вицентию Полю, или Сырокомле, Корженевскому, или Крашевскому; но это идет до Викентия Караганьского и других подобных последнему писателей, ему же равных по силам и дарованиям у нас легион писателей, захваченных и изруганных всеми ругательствами» [10, 78]. Исходя из этого, можно предполагать, что посвящение Коротыньскому вряд ли сохранилось бы, будь повесть переиздана при жизни Лескова.

Тем не менее сам факт выражения симпатии польско-белорусскому поэту в разгар муравьевского террора и антипольской шовинистической пропагандистской кампании, развязанной Катковым, знаменателен.

Если задаться вопросом, почему не какой-либо из опубликованных тогда же рассказов, а именно «Житие одной бабы» посвящено Коротыньскому, то ответ, видимо, следует искать в сопоставлении лесковской повести о трагической судьбе крестьянки и поэмы Коротыньского о горькой недоле крестьянина «Томило» (1856), отдельным изданием вышедшей в Вильнюсе в 1858 г.

По точному и подробному описанию народного быта с акцентированными локальными особенностями оба произведения местами приближаются к этнографическому очерку. Сходным образом в них широко используется фольклор — от песен до фольклорных эпитетов. В поэму введены белорусские пословицы и поговорки, обрядовые песни, легенда (о постройке костела), сказочные сюжеты о дележе урожая («вершки и корешки») и о Горе; в особом примечании Коротыньский объясняет это своей убежденностью в том, что в песнях, сказках, присловьях народ сам говорит о себе, они выражают его умонастроение, суть его философия и история¹⁸. У Лескова «народное искусство — это то, в чем выражается «душевное» в сословном крестьянском быту»¹⁹, песня — главное средство самовыражения героев²⁰.

Помимо близости отдельных мотивов (например, помешательство Томилы и сумасшествие Насти) и сходства некоторых эпизодов (например, обвинение старика в святотатстве и вторжение чиновников к Крылушкину с последующей сценой в уп-

¹⁸ Korotyński W. Tomilo: Obrazek z życia ludu. Wilno, 1858. S. 104—105.

¹⁹ Громов П. П., Эйхенбаум Б. М. Н. С. Лесков (Очерк творчества) // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11-ти томах. М., 1956. Т. 1. С. 19.

²⁰ См. об этом: Столярова И. В. Повесть Н. С. Лескова «Житие одной бабы» // Русская и зарубежная литературы: Труды зонального объединения литераторов Зап. Сибири. Омск, 1965. С. 60—61; Озеров Л. Поэзия лесковской прозы // В мире Лескова. М., 1983. С. 276—280; Тюхова Е. В. Принципы психологического анализа в раннем творчестве Н. С. Лескова // Творчество Н. С. Лескова: Межвуз. сб. науч. тр. Курск, 1986. С. 23—24.

раве), поэма и повесть сопоставимы в главном: судьбы их героев жестко обусловлены одной и той же генеральной ситуацией — ситуацией крепостных отношений.

Надежды на скорое упразднение душевладения, пробужденные подготовкой реформы, в частности, инспирированной Александром II через виленского генерал-губернатора Назимова «инициативой» литовских дворян, и созданными в Ковенской, Виленской и Гродненской губерниях первыми официальными комитетами для выработки предложений об освобождении крестьян, отразились в патетическом finale поэмы, в котором поэт прозревает пришествие «Нового Иерусалима». Такой концовке в известном смысле соответствует просветленный эпилог «Жития одной бабы», приуроченный уже к пореформенной поре и пронизанный убежденностью в том, что остается лишь искоренить остатки крепостничества, особенно в человеческих отношениях,— и можно будет, по Майкову, умилиться: «Господи! какая благодать!»

Таким образом, Лесков посвящением, очевидно, солидаризовался с Коротынским во взглядах на положение крестьянства, на особенности народного характера, на народное творчество как выражение умонастроения и психологии масс.

У взглядов Лескова и Коротынского было еще несколько точек соприкосновения. Коротынский, например, был убежден, что вражда сословий раздувается «западными демагогами»; судя по «Гутарке старого дзеда», первоочередной задачей (предпосылкой успешного решения которой было единство крестьян и помещиков, солидарность угнетенных народов) ему виделось избавление от национального гнета, а уж затем социальные преобразования.

Сама идея приоритета общенациональной цели по сравнению с узкосословными интересами импонировала Лескову. В этой связи симптоматично, что Лесков, сопоставляя, как уже говорилось, расколотую на партии русскую печать с единой польской прессой, по меньшей мере без неприязни к ее единому, на его взгляд, патриотическому направлению подчеркивает: «Бесцензурная подпольная (секретная варшавская пресса) высказывает стремления красные, демократические, нетерпимые, но социалистических никогда».

Еще год спустя Лесков использовал стихи Коротынского в романе «Некуда». Оставленная без комментариев в собрании сочинений песенка иезуитского агента Ярошинского-Кракувки в главе «Свои люди» — это отрывок искаженной начальной строфы антиалкогольного стихотворного памфлета Коротынского „Wypił Kuba do Jakóba“:

Wypił Kuba
Do Jakóba,
Paweł do Michała

Cipri, Iupi,
Lupi, cipri,
Kompanja cała [2, 307]

Wypił Kuba do Jakóba,
Jakób do Michała;
Wypił ty,
Wypił ja,
Kompanja caia.

A kto nie wypije,
Tego we dwa kije:
Łupi, cupi,
Cupi, łupi,
Tego we dwa kije²¹.

Отдельно следует рассмотреть отношения Лескова и Киркора, между прочим, впервые представившего польской публике творчество Лескова, скрупулезно охарактеризовав в серии очерков русской литературы в познаньской газете «*Tygodnik wielkopolski*» роман «Некуда»²² и повторив эту характеристику в брошюре о славянских литературах²³. Дело не только в той крупной роли, которую играл Адам-Гонорий Карлович Киркор (1818—1886) в демократическом по своему характеру движении белорусского и литовского национального возрождения, будучи душой вильнюсского кружка ученых и литераторов, отличавшегося национальной и религиозной терпимостью и своеобразным литовским патриотизмом, который лично у Киркора сочетался с глубокой приверженностью идеи славянской взаимности, причем его привлекала не столько политico-утопическая ипостась панславизма (федерация свободных славянских народов под эгидой России), сколько уже осуществлявшаяся в его собственной издательской практике программа культурного обмена и сотрудничества. Группировавшиеся вокруг Киркора литераторы, переводившие на польский язык русских и чешских поэтов (Сырокомля, Коротынский), Донелайтиса (М. Акелайтис), на литовский — Яна Ходзько и Мицкевича (Даукша, Акелайтис), обращавшиеся к белорусскому и литовскому фольклору, популяризовавшие творчество входивших в этот кружок белорусских писателей В. Дунина-Марцинкевича и А. Вериги-Даревского, выступали по существу посредниками между культурами соседних народов. Очевидно, не без воздействия духа этого кружка на рубеже 1862—1863 годов появляются лесковские переводы Божены Немцовой и Мартина Бродского (И. Фрича). Вероятно, давние связи Киркора с чешскими учеными и литераторами в какой-то мере помогли Лескову в сближении с пражскими журналистами; показательно, что среди его пражских знакомых оказались наиболее активные участники чешско-польских литературных (и политических) контактов (В. Штульц, Э. Тоннер, Ю. Грегр и др.).

Особое внимание должно быть уделено отношениям Лескова и Киркора той поры, когда Киркор при содействии М. О.

²¹ Korotyński W. Wypił Kuba do Jakóba: Urodziny, powołanie i suchoty gorzalki. Wilno, 1859. S. 7.

²² Siwińska J. Zarysy współczesnej literatury rosyjskiej // Tygodnik wielkopolski. 1873. Nr. 17. S. 194—197.

²³ O literaturze pobratymczych narodów słowiańskich: Odczyty publiczne w Muzeum techniczno-przemysłowym w Krakowie A. H. Kirkora. Kraków, 1874. S. 240.

Вольфа совместно с Н. Н. Юматовым издавал и редактировал в Петербурге газету «Новое время» (1868—1871), нуждаясь в сотрудниках не меньше, чем Лесков — в литературном пристанище, анализу места газеты в литературно-общественной борьбе конца 60-х гг. и позиции, занятой Лесковым к началу 70-х — позиции демократа в катковском лагере.

N. LESKOVAS IR VILNIAUS LITERATAI

P. LAVRINECAS

Reziumė

Straipsnyje nagrinėjami N. Leskovo kontaktai su lenkų, lietuvių ir baltarusių literatūrų būreliu, laikraščio „Kurjer wileński“ bendradarbiais ir Vilniaus archeologinės komisijos veikėjais. Ryšius su literatais N. Leskovas užmezgė savo 1862 m. rudenį kelionės metu. Ypač artima draugystė siejo N. Leskovą su archeologu ir leidėju A. H. Kirkoru bei Sirokomlės mokiniu — poetu ir žurnalistu V. Korotynskiu, kuriam Leskovas paskyrė savo apysaką. Pateikta medžiaga liudija tolerantišką šio rusų rašytojo pažiūrą į kitos tautos kultūrą bei jo pritarimą tautiniam atgimimo sąjūdžiui.

N. S. LESKOW UND WILNIUSSER LITERATEN

P. LAWRENZ

Zusammenfassung

Es handelt sich in diesem Artikel um Leskows Beziehungen mit den polnisch-litauisch-belorussischen Literaten, Mitarbeitern der Zeitung „Kurjer wileński“ und Mitgliedern der archäologischen Kommission. Diese Beziehung hat Leskow während seiner Reise im Herbst 1862 angeknüpft. Besonders enge Freundschaft verband Leskow mit der Archäologen und Verleger A. H. Kirkor und mit dem Schüler Syrokomlas, Dichter und Journalisten W. Korotynski, dem Leskow seine Erzählung gewidmet hat. Dargebotenes Material zeugt von unvoreingenommenen Verhältnis des russischen Schriftstellers zur Kultur des anderen Volkes und auch von seinem Wohlwollen für die Bewegung der nationalen Wiedergeburt.

Вильнюсский государственный университет
им. В. Капукаса

Сентябрь 1987 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Костин Е. Прекрасное в художественной картине мира М. А. Шолохова (К характеристике эстетики писателя)	3
Федорова С. Об эстетическом идеале М. А. Шолохова (по рассказу «Судьба человека»)	18
Васильева Е. Опыт интерпретации романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история»	30
Лавринец П. Н. С. Лесков и вильнюсские литераторы	44
Цветковская Л. Скабичевский и Майков	57
Романчук Е. Роман Ю. Балтушиса «Сказание о Юзасе» в восприятии русской критики	71
Сообщение	86
Кондюрина Э. Леонов и Горький (К проблеме традиций)	86
Публикация	94
Клышко Т. Из военных стихов Арсения Тарковского	94
Рецензия	106
Костин Е. Вопросы эстетики советской литературы сегодня	106

Научное издание. Научные труды высших учебных заведений Литовской ССР. ЛИТЕРАТУРА, 31(2). Вопросы истории литературы и критики. Вильнюс, «Мокслас», 1989. На русском языке. Редактор Л. Пушкорене. Технический редактор Ю. Вильчинскайте. Корректоры: О. Богданова и Н. Кведорелене

Н/К

Сдано в набор 25.04.89. Подписано в печать 20.11.89. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная 10 пунктов. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,75, усл. кр.-отт. 7, уч.-изд. л. 7,54. Тираж 500 экз. Заказ № 1679. Цена 1 р. 60 коп. Издательство «Мокслас». 232050. Вильнюс, ул. Жвайгждю, 23. Отпечатано в типографии «Вильтис». 232600. Вильнюс, ул. Страздялиса, 1.